



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 3 (80). С. 84–92.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 3 (80):84–92.

Научная статья
УДК 821.161'01-1.09
DOI 10.37724/RSU.2023.80.3.008

Образ волка в степной анималистике Древней Руси: семантика и поэтика

Анастасия Алексеевна Сторожева
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Рязань, Россия
a.storozheva@bk.ru

Аннотация. Исследование посвящено семантике образа волка и поэтических средств его создания в исторических и воинских текстах Древней Руси. Актуальность темы продиктована широким потенциалом данного образа в контексте степной анималистики, поскольку его художественная интерпретация обусловлена широким кругом факторов — религиозными, этническими, историческими. Наиболее полно понять представления русского человека об окружающем мире через образы животных, сделать вывод об эволюции восприятия природы позволяет сопоставление фольклорного и литературного материала произведений разных жанров от древности до современности. Символике анималистических образов и их художественному воплощению в литературе посвящено немало трудов отечественных и зарубежных ученых. Из них следует, что архетип волка сложился во времена язычества, когда тотемные животные являлись предметом особого почитания. В процессе распространения мировых религий культ волка был переосмыслен и обрел в художественном мире древнерусского человека как положительную, так и отрицательную коннотацию. Отражение этого обнаруживается в этиологических легендах, раскрывающих происхождение хищника, которое нельзя свести к единой версии. Цель настоящего исследования — выявление спектра семантических значений, способов художественного воплощения и функций образа волка в анималистических фрагментах древнерусских текстов, связанных со степным пространством. Предметом исследования является дуальный образ волка, выделенный в животном мире степного локуса как один из наиболее мифологизированных. Анализ древнерусских произведений, в которых значимым является анималистический мир степного локуса, позволил выделить несколько значений образа волка: волк-воин, враг, оборотень и еретик, — обусловленных разными литературными и фольклорными источниками, христианской и языческой символикой.

Ключевые слова: образ волка, символ, древнерусская литература, анималистика, степное пространство, мифологизм.

Для цитирования: Сторожева А. А. Образ волка в степной анималистике Древней Руси: семантика и поэтика // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 3 (80). С. [84–92](#). DOI: [10.37724/RSU.2023.80.3.008](#).

The image of a wolf in the steppe animalistics of Ancient Rus': semantics and poetics

Anastasia Alekseevna Storozheva

Ryazan State University named for S. A. Yesenin,

Ryazan, Russia

a.storozheva@bk.ru

Abstract. The study deals with the semantics of the image of the wolf and the poetic means of its creation in the historical and military texts of Ancient Rus'. The wolf-image has a wide potential in the context of steppe animalistics, since its artistic interpretation is due to a wide range of factors: religious, ethnic, and historical. The most complete understanding of the ideas of a Russian person about the world around him through the images of animals, to draw a conclusion about the evolution of the perception of nature allows a comparison of folklore and literary material of works of different genres from antiquity to the present. Many Russian and foreign scholars have dwelt on the symbolism of animalistic images and their artistic embodiment in literature. Their conclusions show that the wolf archetype was formed in paganism, when totem animals were subjects of tribal worship. During the formation of major world religions, the cult of the wolf was reconsidered, and it acquired both positive and negative connotations in the art of ancient Rus'. This is reflected in the etiological legends that reveal the origin of the predator animal, which cannot be simplified to a single version. The purpose of the current study is to identify the spectrum of semantic meanings, the ways of artistic implementation and the functions of the wolf figure in animalistic fragments of ancient Russian texts associated with the steppe areas. The subject of the study is the dual image of the wolf, identified in the animal world of the steppe locus as one endowed with many mythologized features. This analysis of ancient Russian writing, where the animal world of the steppe locus is significant, made it possible to identify several meanings of the wolf image: wolf-warrior, enemy, werewolf and heretic, due to various literary and folklore sources, both Christian and pagan symbols.

Keywords: image of a wolf, symbol, ancient Russian literature, animalistics, steppe area, mythologism.

For citation: Storozheva A. A. The image of a wolf in the steppe animalistics of Ancient Rus': semantics and poetics. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 3 (80):84–92. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.80.3.008.

Введение

Анималистические образы в древнерусской литературе представлены достаточно широко и имеют различную коннотацию, вызывают разнообразные семантические ассоциации. Даже в рамках одного произведения восприятие и художественное воплощение образа того или иного зверя могло быть семантически разноплановым. Средневековый автор в силу религиозно-мифологической и культурно-этнической традиции, эволюционирующей с течением времени, не мог игнорировать реальные поведенческие особенности животного, с одной стороны, и специфику воспроизведения природы в конкретную историко-литературную эпоху — с другой. Так, для древнерусского книжника XI–XII веков характерно бинарное восприятие мира, в связи с чем образы животных имели религиозно-символический характер, который связан со стремлением постичь тайны мироздания, найти высший смысл в явлениях окружающего мира. Постепенно мировоззрение менялось, согласно А. Н. Ужанкову, проходило стадии от мировосприятия к миропостижению, а в конце XV — первой половине XVII века отношение к природе становится более рационалистическим [Ужанков, 2011, с. 10].

Согласно традиционным представлениям средневекового человека об окружающем мире, животные являются частью мифологического пространства. При этом они соотносятся с другими мифологическими существами (демонами, обрядными и фольклорными персонажами) и явлениями (стихиями, природными явлениями). Причем анималистические ассоциации и сравнения отражали как реальные, так и мифические свойства животного, а Д. С. Лихачев отмечал, что «символика животных давала обильный материал для средневековых моралистов», однако «имела мало реальных наблюдений, направляла человеческую мысль в мир абстракций» [Лихачев, 1987, с. 58]. На первый план зачастую выходили характеристики животных и птиц, заимствованные из средневековых переводных «Физиологов», а также их мифические свойства, закрепленные в

фольклоре. Определяя суть средневековой анималистики и характеризуя природу анималистических образов, А. В. Гура отмечал: «Животные наделяются в народных представлениях определенными признаками в соответствии с восприятием человеком реальных животных, окружающих его в природе. Однако такое восприятие преломляется сквозь призму мифологического сознания, которое подчас существенно отличается от бытового сознания современного человека» [Гура, 1997, с. 18].

В современной медиевистике в составе древнерусской анималистики выделена степная, поскольку определенный круг анималистических образов занимает особое место в художественном мире степного пространства, будучи связанным с ним не только реально-фактическими, природными связями, но и символично-мифологическими. По мнению А. С. Демина, который одним из первых теоретически и эмпирически обосновал понятия и древнерусской, и степной анималистики, различные группы животных объединены в сообщества, и волка он отнес к сообществу «волки, орлы, лисицы» [Демин, 1998, с. 92]. В частности, исследователь обратил внимание на то, что в древнерусской словесности, начиная со «Слова о полку Игореве», распространены упоминания волка, орла, лисицы в «поле-степи». При этом образу волка как связанному со степным пространством присуща высокая степень индивидуализации, а его семантическое поле определил широкий круг значений.

Несмотря на достаточную изученность архетипа «волк» в мифологии и литературе народов мира, рассмотрению его в ряду анималистических образов степного локального текста не посвящено отдельного исследования. Включение образа волка в контекст степной анималистики продиктовано разнообразием художественных репрезентаций данного образа, которые помогают лучше понять специфику древнерусской книжности и историко-культурный контекст. В качестве предмета исследования в статье рассматривается образ волка, вписанный в контекст степной анималистики древнерусской словесности. Целью исследования является уточнение семантики образа волка, художественно-образительных средств его создания, что позволяет определить его функции в произведениях Древней Руси. Материалом для написания статьи послужили произведения XII–XV веков в жанре летописи и воинской повести («Повесть временных лет», «Новгородский летописный свод» (например, повесть о походе Ивана III в 1471 году), «Слово о полку Игореве», «Задонщина» и др.). Результат исследования состоит в попытке классификации образа волка в степном тексте древнерусской словесности по способу создания и функционированию, что будет способствовать дальнейшей конкретизации знания об образном мире национальной словесной культуры.

Основная часть

Фольклорно-мифологическая основа образа волка: семантика и символика

Образ волка в древнерусских текстах встречается часто и не имеет единой трактовки, что во многом объясняется его разным восприятием как в мифах и легендах разных народов, так и в русском фольклоре. С одной стороны, он стоит в одном ряду с другими свирепыми хищниками, с другой — ему приписывают хтонические свойства [Белова, 2001, с. 78]. Как отмечал Л. Н. Гумилев, в период IX–XII веков «происходили контакты славян с русами, кочевников с оседлыми, христиан с язычниками, хазар с евреями» [Гумилев, 2008, с. 28], в результате такого культурного смешения отсутствует единство в воспроизведении анималистических образов, в том числе в изображении волка, в различных памятниках древнерусской письменности. Положительную или отрицательную трактовку данного образа можно связать с религиозным мышлением книжника, с жанром произведения и временем его создания.

Култ волка, как отмечали А. Н. Робинсон и В. А. Гордлевский, был распространен среди народов Центральной Азии — тюрков и монголов. Отождествление волков со степными племенами может иметь тотемический смысл: тотем волка восходит к мифу о небесном животном, которое приносит мужчине «хийморь» — удачу, силу. Степные народы, наблюдая за поведением животных, переняли у них тактику охоты и сражений. Воинственные племена называли волков своими предками, у которых они почерпнули мудрость и навыки выживания в суровых условиях степи [Робинсон, 1980, с. 169]. Легенды о прародителе-волке до сих пор занимают важное место не только в фольклоре, но и в литературе данной этнической группы, что отражено, например, в романе современного китайского писателя Лу Цзямина «Волчий тотем».

Лесостепная часть побережья Днепра — место расселения праславян — испытывала на себе влияние скифской культуры. В эпоху земледельчества возрастает культ бога Аполлона, которого скифы изображали в сопровождении ястреба и волка или собаки. По мнению А. Ф. Лосева, Аполлон соотносился с языческим Дажьбогом: оба были покровителями солнца, оба — сыновья демиурга, обоих сопровождал волк [Лосев, 1990, с. 52]. В скандинавской традиции волки гонятся за Соль (Солнцем) и, когда догонят, проглотят, тогда наступит Рагнарёк (гибель всего мира). Связь волка с солнцем прослеживается в мифах многих народов. Однако с принятием в Европе христианства волчий культ был ослаблен, а затем переосмыслен под влиянием нового религиозного учения, согласно которому волк ассоциируется со лжепророком («Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7:15).

Семантику общеславянского культа волка выделить достаточно сложно, так как животное воспринималось неоднозначно. Волк близок к миру мертвых и нечистой силе, является проводником между мирами. В то же время в языческих поверьях волки считались священными животными и олицетворяли Велеса — бога плодородия. Славяне с почтением относились к зверю, и это отразилось в устном народном творчестве, где волку отведена роль волшебного помощника, мудрого и честного [Рыбаков, 1963, с. 75]. Среди южных славян было распространено имя Вучко, или Вук (от сербохорв. Vučko ‘волчонок’), что свидетельствует о почтительном отношении к зверю.

В древнерусском фольклоре образ волка часто сливается с образом собаки, например, «хорт с хортенятами» упоминается в заговоре от волков и собак, объединяя значение «волка и волчат» и «собаки и щенят». В данном случае происходит слияние образа волка и собаки, так как в некоторых русских диалектах они имеют общее название — «хорт» [Рыбаков, 1963, с. 101]. Помощником сказочного героя в славянском фольклоре, как и собака, зачастую оказывается волк. Б. А. Рыбаков объяснял: «Сказочный Серый волк, верой и правдой служащий охотнику, — это впервые прирученная собака» [Там же, с. 102]. Вместе с тем эти наблюдения напоминают греко-римскую традицию, в которой широко известен миф о капитолийской волчице, выкормившей Ромула и Рема; схожий миф бытовал и в древнеиранской культуре: волчица спасла и вскормила персидского царя Кира Великого [Буслаев, 1861, с. 183].

Интерпретация образа волка в древнерусской литературе: вопросы функциональной классификации

Анализируя древнерусские тексты, мы выделили несколько функционально важных, на наш взгляд, аспектов мифологической и художественной интерпретации образа волка в древнерусской словесности, прежде всего, на примере исторических и воинских произведений: «волк — воин», «волк — враг», «волк — оборотень», «волк — еретик». Аспекты данной классификации находят теоретическое обоснование в трудах А. В. Гуры [Гура, 1997], А. С. Демина [Демин, 1998], Б. А. Рыбакова [Рыбаков, 1963], А. Н. Ужанкова [Ужанков, 2011] и др. Наша классификация выстроена с учетом произведенных работ.

1. Волк — воин. Образ волка традиционен для произведений батальной тематики — летописных и воинских повестей, которые рассказывали о ратных подвигах и битвах. Батальные сцены прочитываются еще в летописных статьях «Повести временных лет» и в дальнейшем в воинских повествованиях времен монголо-татарского нашествия, когда этот жанр достигает расцвета. Образ волка-воина прочитывается в «Слове о полку Игореве», жанр которого синкретичен, но опирается на традиции воинской повести.

С волком сравнивают как русских воинов, так и иноземных захватчиков. Например, в «Слове о полку Игореве» волк символизирует русского воина: «Сами скачють, акы сѣрыи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю — славъ» [«Изборник» ... , 1969, с. 287], «высѣдѣ изъ сѣдла злата сѣрымъ влькомъ» [Там же, с. 289]. В основе сравнения лежит сила и ловкость зверя — качества, которые автор подчеркивает и у дружинников новгород-северского князя Игоря Святославича: «Игорева храбраго пълку» [«Изборник» ... , 1969, с. 288], «своими сильными плькы» [Там же, с. 289], «пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострени» [Там же, с. 289]. В. А. Гордлевский частично объясняет это тем, что Игорь был потомком половчанки, поэтому тотем волка-предка покровительствовал ему [Гордлевский, 1961, с. 346]. Неслучайно у многих народов волчья стая ассоциировалась с военным братством, дружиной, а ее хищный предводитель — с символом коварного убийцы, насильника для потенциальных жертв, а с другой стороны, он же — символ мужества для воина.

В «Слове о полку Игореве» с образом волка связан прием художественного сравнения, оформляемого при помощи союза «акы» («как»): «акы серыйи вльци въ поле, ищучи себе чти, а князю — славе» [«Изборник» ... , 1969, с. 287]. Чаще автор использует сравнительные конструкции с существительным в творительном падеже: «сърымъ влькомъ по земли» [Там же, с. 280], «Гзакъ бѣжить сърымъ влькомъ» [Там же, с. 283], «скочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ», «изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше» [Там же, с. 286], «тогда Влуръ влькомъ потече» [Там же, с. 283]. Данные сравнения были широко распространены в славянском фольклоре, который испытывал на себе влияние языческих поверий. Автор, сравнивая героев с волком, акцентировал внимание на поведенческих характеристиках животного: скорости передвижения, ловкости, силе и др.

2. Волк — враг. В летописных и воинских повестях образ волка обретает другое значение с иной эмоциональной оценкой. В «Повести временных лет» степняки сравнивают русского князя с волком, подчеркивая его коварство. Князь Игорь силен и отважен в сражениях с греками, но летописец обращает внимание на другое его качество — жадность, на основании которого и происходит сравнение с волком. В уста древлян автор вкладывает народную поговорку: «Аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то относитъ по единой все стадо, аще не убьютъ его» [«Изборник» ... , 1969, с. 54]. Далее образ развернут с помощью придаточного сравнительного предложения: «тако и сий, аще не убьем его, то вси ны погубить» [Там же, с. 54]. Держа ответ перед княгиней Ольгой за убийство ее мужа, древляне снова сравнивают князя с волком, теперь с помощью сравнительной конструкции с союзом «яко»: «бъшетъ бо мужъ твой яко волкъ, въсхыщая и грабя» [Там же, с. 55].

Стоит отметить, что чаще в образе волка предстают именно вражеские силы, а сравнение русских князей с этим животным — нечастое явление, связанное с историческим фактором: русский народ находился в постоянной конфронтации со степными племенами. При изображении врага древнерусские книжники обращались к отрицательным анималистическим образам. Неудивительно, что степной хищник становился символом врага для древнерусского человека: «облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ» («Поучение Владимира Мономаха») [«Изборник» ... , 1969, с. 203], «Гзакъ бѣжить сърымъ влькомъ», «Влуръ влькомъ потече» («Слово о полку Игореве») [Там же, с. 283].

Автор «Задонщины» использует при описании вражеского войска метафору «И притекоша сирые волцы от уст Дону и Непра ставъши воют на реке. <...> То ти были не сирые волцы, — приидоша поганые татаровя» [«Изборник» ... , 1969, с. 525], а также сравнительный оборот с существительным в творительном падеже «И отскочи поганый Мамай от своея дружины серым волком» [Там же, с. 526]. Половецкие ханы и татаро-монголы отождествляются с волками на основании одного из доминирующих его качеств — коварства.

3. Волк — оборотень. Мотив оборотничества распространен в мировой мифологии и литературе. В европейском, славянском и тюркском фольклоре часто фигурирует образ оборотня, который трактуется неоднозначно. С принятием христианства у славян волк стал ассоциироваться с нечистой силой. Считалось, что злые колдуны и языческие волхвы оборачивались волками. Жизнь князя Всеслава Полоцкого, отмеченного при рождении (по некоторым сведениям, он родился «в рубашке» — плаценте (Ф. И. Буслаев [Буслаев, 1861, с. 455], В. Н. Татищев [Татищев, 1995, с. 576]), по другим — с родимым пятном на голове (Р. О. Якобсон и М. Шефтель [Якобсон, Шефтель, 1958, с. 103])), овеяна легендами, которые нашли отражение в «Слове о полку Игореве». Р. Якобсон считал, что причина мифологизации этого образа связана с моментом рождения: князь родился в плаценте — так, по мнению древнерусских людей, рождались колдуны (см.: [Якобсон, Шефтель, 1958, с. 108]). Данный литературный образ преломлен сквозь призму мифологического сознания книжника. Д. С. Лихачев объяснял появление на политической арене князя-оборотня сильным влиянием языческих верований в Полоцком княжестве XI века. Фольклорный архетип волка-оборотня включен в художественную систему «Слова о полку Игореве».

Так, Всеслав Полоцкий из рода Полоцких князей, сын Брячислава Изяславича, якобы рожденный от языческого волхования (момент рождения князя описан в «Повести временных лет»), рыщет ночью волком в тьмутараканских степях, скачет «лютым зверем», «объятый синей мглой» [«Изборник» ... , 1969, с. 289]. Сверхъестественные перемещения Всеслава в пространстве — бежал из Белгорода, перескочил до Немиги с Дудуток и из Киева до Тьмутаракани — упомянуты для подтверждения его чародейской практики. Свои перемещения князь совершает «обеси ся сине мгле». Данная формулировка трактуется учеными неоднозначно: А. В. Соловьев и А. К. Югов переводят фразу как «повиснул на синем облаке», «обнял синее облако» [Соловьев, 1962, с. 372 ; Югов, 1970, с. 13], О. В. Творогов и Д. С. Лихачев — «объятый ночной тьмою» [Творогов, 1981, с. 67 ; Лихачев, 1987, с. 345].

Нам ближе вторая трактовка, так как в «Слове» неоднократно подчеркивается, что Всеслав-волкодлак (оборотень) и путешествия совершает в волчьем обличии, а образ его связан с земной стихией. Как волк передвигается в степях («серый вльци въ поле», «вльци... по яругамъ»), так и Всеслав в обличии волка («влькомъ... дорискаше до курь Тмутороканя», «влькомъ потече къ лугу Донца») — по степи половецкой [«Изборник» ... , 1969, с. 286]. С землей волка связывает еще один образ «Слова»: Боян «растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ влькомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы» [Там же, с. 280].

Как правило, зверю в древнерусской литературе присуща большая степень индивидуализации (А. В. Гура [Гура, 1997, с. 122], А. С. Демин [Демин, 1998, с. 23]), при этом его не связывали ни с деталями природы, ни с пейзажем, его окружающим. Однако в некоторых рассказах «Физиолога» животные были соединены попарно: ибис и рыба, лиса и птицы, выдра и крокодил и т. д. Так, в «Слове о полку Игореве» волк упоминается в паре с хищной птицей (орлом, ястребом, соколом): «вльци грозу въсрочать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовуть» [«Изборник» ... , 1969, с. 278], Боян рыскал серым волком по полю, сизым орлом кружил под облаками [Там же, с. 281]. Вероятно, эти животные в представлении славян были воплощениями земной и небесной стихии. А в интерпретации автора «Слова о полку Игореве» образ волка только единожды символизирует враждебную силу, в целом воплощая положительную коннотацию.

Историку С. М. Соловьеву был интересен Всеслав Полоцкий не как историческое лицо или персонаж «Слова о полку Игореве», а как прототип былинного богатыря Волха Всеславьевича. Несмотря на то, что образы имеют много общего (волшебный момент зачатия и рождения, оборотнические способности), сложно говорить о какой-либо преемственности. Былина существовала задолго до появления Всеслава Полоцкого, и генетически Волх ближе богатырям-змеевичам, которые были распространены в архаичных сказаниях восточных и южных славян.

Славяне верили, что волки способны совершать путешествия в мир мертвых, что также связано с мотивом оборотничества. Это представление берет начало в монгольской культуре, где умерших людей животные сопровождали в загробный мир и доставляли к Тэнгри — верховному божеству. В монгольский период в результате культурного взаимодействия в русский фольклор проникли монгольские легенды и мифы о волке-проводнике. Образ был переосмыслен в русских народных сказках — волк стал спутником героя, который спускался в подземное царство и возвращался оттуда живым («Иван-царевич и серый волк»).

4. Волк — еретик. Во времена раннего христианства волков считали хтоническими существами. Согласно распространенной этимологической легенде славянских народов, хищника создал черт из земли и глины, но вдохнуть в него жизнь смог только Бог [Гура, 1997, с.122]. В «Славянском бестиарии» О. В. Беловой со ссылкой на Н. А. Начова отмечается, что «волки, не найдя добычи, взывают к Богу, и он посылает им пищу», «волк, задирая скотину, действует не по своей, а по божьей воле». Так, среди славянских народов (украинцев, сербов, болгар и т. д.) бытуют легенды, что по велению Бога волк борется с нечистой силой — чертями и вампирами [Белова, 2001, с. 35].

Однако существует иная трактовка образа — волк-еретик. Дж. Тресиддер в словаре символов отмечает: «Христианский символизм овец, как прихожан Церкви, сделал хищного волка символом дьявола и ереси» [Тресиддер, 2001, с. 251]. В «Повести временных лет» сказано: «Да аще кто хулить словенскую грамоту, да будут отлучени от церкви, дондеже исправятся; ти бо суть волци, а не овцѣ, яже достоинь от плодъ познати я и хранитися ихъ» [«Изборник» ... , 1969, с. 51]. В «Повести о походе Ивана IV на Новгород» царь говорит архиепископу Пимену, которого заподозрил в преступном сговоре с литовским королем Августом: «И отселе впереди не си убо наречешися пастырь и учитель и сопрестольник великия соборныя апостольския церкви Премудрости божии Софеи, но волк, и хищник, и губитель, и изменник» [«Изборник» ... , 1969, с. 511]. Подтверждается эта трактовка поздними сочинениями XVII–XVIII веков: в «Слове о рассечении человеческого естества» (XVIII век) хищник сопоставлен со злыми учителями, которые поедают души христианские, словно волки овец; в «Житии протопопы Аввакума» (XVII век) автор, описывая своего главного идейного противника патриарха Никона, называет его «волк» и «адов пес». Данными сравнениями Аввакум подчеркивает лицемерие и коварство своего врага. Данными сравнения имеют единый евангельский первоисточник — Евангелие от Матфея, глава 7, стих 15, дословно приведенный ранее. Также в «Житии» упомянут волк как часть реального степного ландшафта, который наблюдали этапируемые в Сибирь: «и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедем. А иные и самых озьяблых ели волков, и лисиц, и что получит — всякую скверну» [Там же, с. 366].

Заключение

Итак, одним из самых неоднозначных анималистических образов в культуре является образ волка, что подтверждает анализ степного текста в летописных и воинских повестях Древней Руси. Функционально он представляет анималистический символ оппозиции «русские — кочевники», олицетворяя как русских воинов, так и врагов, выявляя их доминирующие качества, большей частью представляющие физические достоинства и поведенческие характеристики (силу, ловкость, стремительность передвижений и др.). Так, образ волка-воина прочитывается в «Слове о полку Игореве», где автор сравнивает русского князя с волком, подчеркивая его силу и отвагу, что, по мнению ученых, может объясняться происхождением князя и его связью с волчьим тотемом. В тексте произведения волки всегда упоминаются автором в поле/степи за пределами древнерусского государства, что позволяет соединить данный образ со степным животным миром. Издревле вражеские захватчики ассоциировались со степными хищниками, что связано с культурными и религиозными аспектами их жизни (волчий культ, вера в прародителя-волка и волка-проводника). Образ волка реализуется при помощи художественных тропов, преимущественно сравнений, чаще они создаются посредством союзов, а также с использованием конструкций с творительным падежом.

Помимо этого, волк является основным анималистическим образом, который актуализирует мотивы оборотничества и лжепророчества (по библейской традиции волк — символ еретика, противопоставленный овцам — пастве). Распространенный в мировой культуре архетип волка-оборотня ярко воплощен в образе Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве». Подобное сравнение связано с моментом рождения князя, а также со стремительностью его перемещений. Появление в «Слове» князя-оборотня связано с мифологическим мышлением книжника, а также с влиянием языческих традиций. В данном случае волк-оборотень совершает свои передвижения вне границ Руси, что делает его частью степного мифологического мира. В христианской религиозной традиции образ волка воспринимается амбивалентно. Еретики сравниваются с волками, однако среди славянских народов бытуют легенды о том, что волк — борец с нечистой силой. В основе отождествления волка со злым учителем лежит христианский символизм, согласно которому прихожане — овцы Божии, а враги церкви — хищные волки.

Таким образом, в степной анималистике древнерусской словесности нет единого семантического и символично-художественного подхода к воспроизведению образа волка. Разнообразие трактовки этого анималистического образа связано с широким спектром символических значений, которыми он наделен.

Список источников

1. Белова О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики. — М. : Индрик, 2001. — 315 с.
2. Буслав Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1861. — 561 с.
3. Гордлевский В. А. Избранные сочинения : в 4 т. — М. : Наука, 1961. — Т. 2. — 560 с.
4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М. : АСТ, 2008. — 848 с.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. — М. : Индрик, 1997. — 909 с.
6. Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. — М. : Языки рус. культуры, 1998. — 847 с.
7. «Изборник»: сборник произведений литературы Древней Руси / под ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М. : Худож. лит., 1969. — 799 с.
8. Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы // Собрание сочинений : в 3 т. — М. : Худож. лит., 1987. — Т. 2. — 520 с.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. — М. : Правда, 1990. — 320 с.
10. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII веков: очерки литературно-исторической типологии. — М. : Наука, 1980. — 335 с.
11. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М. : АН СССР, 1963. — 359 с.
12. Соколова З. П. Животные в религиях. — СПб. : Лань, 1998. — 288 с.
13. Соловьев А. В. Русичи и русовичи // Слово о полку Игореве — памятник XII века. — М. : АН СССР, 1962. — 387 с.
14. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен : в 3 т. — М. : Ладомир, 1995. — Т. 1. — 568 с.
15. Творогов О. В. Литература Древней Руси : пособие для учителя. — М. : Просвещение, 1981. — 128 с.
16. Тресиддер Дж. Словарь символов. — М. : Гранд, 2001. — 444 с.
17. Ужанков А. Н. Историческая поэтика древнерусской словесности. — М. : Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2011. — 512 с.

18. Югов А. К. «Слово о полку Игореве» (перевод, комментарии и статьи). — М. : Московский рабочий, 1970. — 271 с.
19. Якобсон Р. О., Шефтель М. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // Труды отдела древнерусской литературы. — М. ; Л. : АН СССР, 1958. — Т. 14. — С. 102–111.

References

1. Belova O. V. *Slavyanskiy bestiariy: slovar nazvaniy i simboliki* [The Slavic bestiary: a dictionary of names and symbols]. Moscow, Indrik Publ., 2001, 315 p. (In Russian).
2. Buslaev F. I. *Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical essays on Russian folk literature and art]. Saint Petersburg, D. E. Kozhanchikov Publ., 1861, 561 p. (In Russian).
3. Gordlevsky V. A. *Izbrannyye sochineniya: v 4 t.* [Selected works: in 4 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1961, vol. 2, 560 p. (In Russian).
4. Gumilev L. N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Moscow, AST Publ., 2008, 848 p. (In Russian).
5. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [The symbolism of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 909 p. (In Russian).
6. Demin A. S. *O khudozhestvennosti drevnerusskoy literatury* [Artistry of ancient Russian literature]. Moscow, Yazyki russkoy jultury Publ., 1998, 847 p. (In Russian).
7. "Izbornik": *sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi* ["Izbornik": a collection of literary works of Ancient Rus']. Ed. L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1969, 799 p. (In Russian).
8. Likhachev D. S. The emergence of Russian literature. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1987, vol. 2, 520 p. (In Russian).
9. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of the myth]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 320 p. (In Russian).
10. Robinson A. N. *Literatura Drevney Rusi v literaturnom protsesse srednevekovya XI–XIII vekov: ocherki literaturno-istoricheskoy tipologii* [Literature of Ancient Rus' in the literary process of the Middle Ages, 11th–13th centuries: essays on literary and historical typology]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 335 p. (In Russian).
11. Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of ancient Slavs]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, 359 p. (In Russian).
12. Sokolova Z. P. *Zhivotnyye v religiyakh* [Animals in religions]. Saint Petersburg, Lan Publ., 1998, 288 p.
13. Solovyov A. V. *Rusichi i rusovichy. "Slovo o polku Igoreve" — pamyatnik XII veka* [Rusichi and Rusoviches. *The Tale of Igor's Campaign* as a literary monument of the 12th century]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962, 387 p. (In Russian).
14. Tatishchev V. N. *Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen: v 3 t.* [History of Russia since the most ancient times: in 3 vols.] Moscow, Lodomir Publ., 1995, vol. 1, 568 p. (In Russian).
15. Tvorogov O. V. *Literatura Drevney Rusi: posobiye dlya uchitelya* [Literature of Ancient Rus': a guide for teachers]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1981, 128 p. (In Russian).
16. Tresidder J. *Slovar simbolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, Grand Publ., 2001, 444 p. (In Russian).
17. Uzhankov A. N. *Istoricheskaya poetika drevnerusskoy slovesnosti* [Historical poetics of ancient Russian literature]. Moscow, Literaturny Institut imeni A. M. Gorkogo Publ., 2011, 512 p. (In Russian).
18. Yugov A. K. "Slovo o polku Igoreve" (*perevod, kommentarii i statyi*) ["The Tale of Igor's Campaign" (translation, comments and articles)]. Moscow, Moskovsky Rabochiy Publ., 1970, 271 p. (In Russian).
19. Yakobson R. O., Sheftel M. Studies of "The Tale of Igor's Campaign" in the United States of America. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958, vol. 14, pp. 102–111. (In Russian).

Информация об авторе

Сторожева Анастасия Алексеевна — магистр филологии, аспирант кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история русской литературы, локальные тексты художественной литературы, степной текст в русской словесности.

Information about the author

Storozheva Anastasia Alekseyevna — master of philology, postgraduate student of the Department of Literature and Journalism, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: history of Russian literature, the image of space in fiction, the image of steppe in Russian literature.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; принята к публикации 06.07.2023.

The article was submitted 20.04.2023; accepted for publication 06.07.2023.